

КОНЦЕПЦИИ О ПРОИСХОЖДЕНИИ КУЛЬТУРНЫХ РАСТЕНИЙ В ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

А.В. Ефименко¹, И.К. Захаров^{1,2}

¹ Институт цитологии и генетики СО РАН, Новосибирск, Россия;

² Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия, e-mail: tatele@yandex.ru

В статье дается изложение развития взглядов на проблему происхождения культурных растений. Рассматриваются вопросы становления и развития этой проблемы в биологических и исторических исследованиях XIX–XX вв. Отмечается основополагающая роль в формулировании проблемы происхождения культурных растений ученых-биологов второй половины XIX в. Ч. Дарвина и А. Декандоля, чьи эволюционистские представления легли в основу последующих биологических исследований в этом направлении. Подчеркивается роль диффузионистской теории становления и развития культуры общества, развивавшейся в рамках этнографической науки начала XX в. Анализируются взаимовлияние гипотезы происхождения культурной флоры и теории миграции и дискретности человеческой культуры и ее дальнейшее развитие в работах Н.И. Вавилова и других отечественных ученых.

Ключевые слова: А. Декандоль, Н.И. Вавилов, центры происхождения, антропогеоценоз.

...каждый из нас видит разное в зависимости от того, через какой фильтр проходят факты, куда стремится исследователь.

Н.И. Вавилов¹

Видимо, далеко не случайно, что проблема происхождения культурных растений впервые была сформулирована именно в работах ученых второй половины XIX в. И дело даже не в том, что накопленный к этому времени обширный фактический материал о систематике и географии культурной флоры пяти континентов земного шара вполне позволял перейти от эмпирических частных фактов к теоретическому обобщению. Более важным и заслуживающим внимания представляется тот факт, что осмысление и упорядочивание этого разнообразного материала происходили с позиций эволюционизма. Можно даже сказать, что сама постановка проблемы происхождения культурной флоры стала возможной именно благодаря эволюционистской парадигме, определившей вектор всех последующих исследований по этому вопросу.

Эволюционистская картина мира в биологии создавалась на трех основаниях – развитии, изменении и наследовании. Эти три осново-

¹ Вавилов, 1987. С. 20.

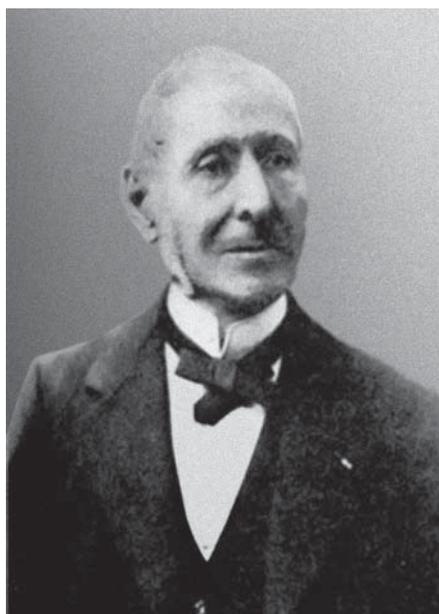
полагающих свойства были признаны за всеми без исключения живыми организмами и положены в основу объяснения их видового разнообразия.

В системе таких эволюционистских представлений «культурное растение» как объект исследования рассматривалось прежде всего как биологический организм, обладающий собственной пространственно-временной динамикой и закономерностями развития. Круг вопросов, волновавших исследователей-эволюционистов того времени, можно свести к двум основным пунктам:

1) место и время возникновения культурных растений, пути и направления их последующего распространения;

2) механизм формообразования и изменения культурных растений в процессе воздействия на них человека.

Наиболее полное рассмотрение этих вопросов связано с именами двух известных ученых – Чарльза Дарвина и Альфонса Декандоля.

Альфонс Луи Пьер Пирамю Декандоль (1806–1893). Основоположник учения о происхождении культурных растений.

Швейцарский ботаник А. Декандоль в своей работе «Происхождение культурных растений» (1883), как явствует из самого названия, основной задачей считал установление первоначальной родины отдельных видов культурных растений и их исходных (диких) форм.

Главные выводы исследования Декандоля сводятся к следующему. Во-первых, корни возникновения современных видов культурных растений уходят в глубокую древность. Поскольку зафиксированные в исторических источниках (египетских, месопотамских, китайских и др.) древнейшие факты отражают достаточно развитый уровень возделывания культурных растений, то можно предположить, что ему предшествовал еще более древний этап. Во-вторых, с самого начала своей истории культурные растения подвергались разнонаправленной и интенсивной селекции, гибридизации и интродукции. Поэтому выявление для многих современных культурных растений их предковых диких форм затруднено или вовсе не представляется возможным. В-третьих, возникновение земледелия (целенаправленного возделывания культурных растений ради получения устойчивого урожая) следует приурочить к трем географическим областям земного шара: Юго-Восточной Азии, Юго-Западной Азии и Америке. Исторически

эти области соответствуют древнейшим центрам человеческой цивилизации: Китаю, Индии, Месопотамии, Египту и Перу с Мексикой, причем в Старом Свете они приурочены к речным долинам, а в Новом – к высокогорным районам (De Candolle, 1885. P. 8–17).

Несомненной заслугой А. Декандоля можно считать то, что он первым обратился к разрешению проблемы происхождения культурных растений с позиций комплексной методологии. Языком современной науки это можно было бы назвать междисциплинарным подходом к решению проблемы. Ботанико-географический материал ученый дополнил археологическими, историческими и лингвистическими данными. В результате была не только продемонстрирована сложность и неоднозначность проблемы происхождения культурной флоры, но предложена возможность ее разрешения комплексным методом – на стыке естественных и гуманитарных наук.

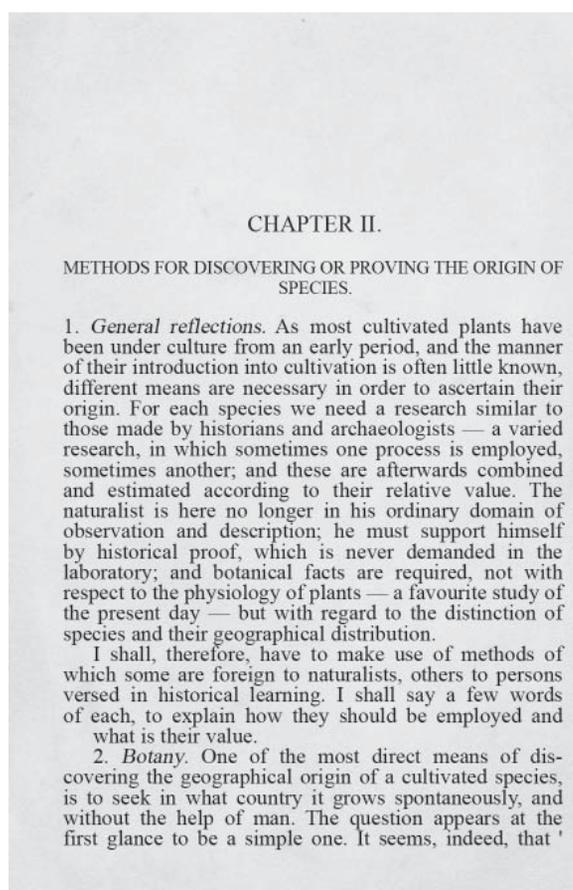
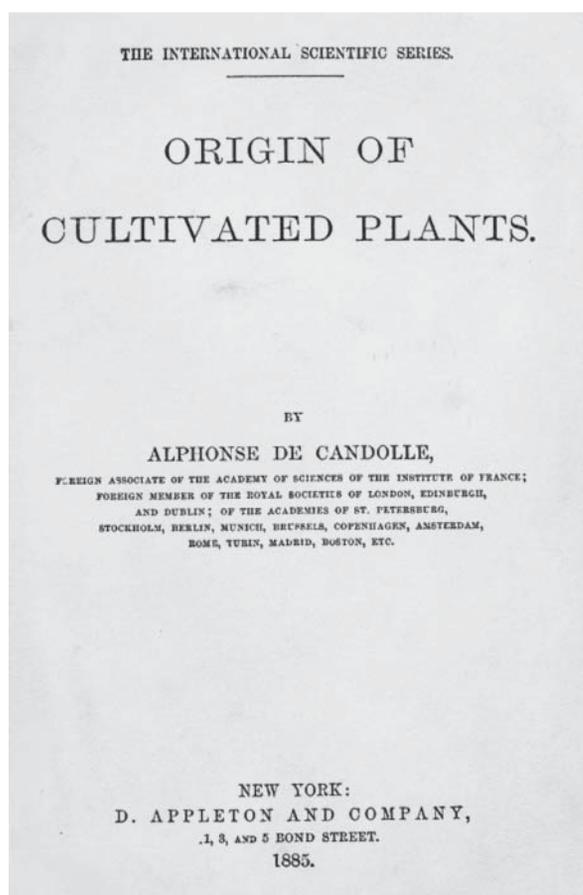
Круг вопросов, связанных с теми изменениями, которые претерпели и претерпевают культурные растения в процессе воздействия на них человека, был рассмотрен в работе Ч. Дарвина «Изменения домашних животных и культурных растений» (1868). Эта работа Дарвина, богатая фактами и обобщениями, содержит следующие важные выводы в отношении культурной флоры: в основе всех изменений культурных растений лежит отбор, производимый исключительно по воле человека, который отбирает формы, наиболее отвечающие его потребностям; процесс этот постепенный и зависит как от внешних условий, так и от внутренней predispositionности самих растений; большинство свойств культурных растений, наиболее ценимых человеком, в естественных условиях обычно слабо выражены и для растения бесполезны и даже вредны (Дарвин, 1951).

Таким образом, во второй половине XIX в. ученые-биологи сформулировали проблему происхождения культурных растений и первыми попытались дать ее решение. Из 247 видов культурных растений, рассмотренных А. Декандолем, 26 не было обнаружено им ни в диком, ни в полудиком состоянии (в том числе такие важнейшие для человечества продовольственные культуры, как пшеница и кукуруза). Это побудило А. Декандоля *a priori* сделать заключение о высокой степени изменчиво-

сти, которую претерпели эти растения в ходе тысячелетней истории культивирования их человеком. Механизм искусственного отбора, предложенный Ч. Дарвином, давал хорошую возможность объяснения столь необратимых изменений. Если принять во внимание климатическое разнообразие Земли в пространстве и во времени, многочисленные миграции в истории человечества и постоянно расширявшиеся торговые связи, то вырисовывается достаточно стройная гипотеза происхождения культурной флоры. А. Декандоль выделил три большие области древнейшей земледельческой культуры: Китай, Юго-Западную Азию (включая Египет) и американские субтропики (Перу и Мексика). Отсюда, по его мнению, и получили свое распространение основные виды культурных растений, давшие в последующем то поразительное сортовое разнообразие, которым человечество пользуется и по сей день.

Как уже отмечалось, в своей работе А. Декандоль достаточно широко привлекал исторический материал: письменные свидетельства, археологические и этнографические данные, лингвистические источники. Он даже уподоблял историю культурных растений истории народов в том смысле, что в обоих случаях приходится апеллировать к самым различным источникам (De Candolle, 1885. P. 27). Но А. Декандоль отразил видение проблемы как представитель биологических наук. В науках же исторического цикла проблема происхождения культурной флоры имела несколько иную судьбу.

Эволюционистская парадигма завоевала в исторических науках второй половины XIX в. не менее прочное положение, чем в науках естественных. Это нашло свое отражение в первую очередь в построении различных эволюционистских схем развития общества и человечества в целом. Наиболее последовательно эволюционистское

Титульный лист американского издания работы А. Декандоля «Происхождение культурных растений», 1885 г. и начальная страница главы «Методы обнаружения или доказательства происхождения видов». Русский перевод этой книги вышел в том же 1885 г. под названием «Местопроисхождение возделываемых растений».

направление развивали представители этнографии и археологии: Мак-Леннан, Дж. Лёббок, Л.Г. Морган, Ю. Липперт и др. (Токарев, 1978).

Одним из важнейших пунктов на шкале развития человеческого общества в эволюционистских построениях этих ученых являлся момент возникновения земледелия, с которым справедливо связывался качественный переход в истории человечества, определивший все последующее развитие цивилизации. Именно в этом контексте проблема происхождения культурной флоры и отразилась в исторических исследованиях того времени. Следует подчеркнуть ее своеобразие, которое заключалось в том, что она оказалась растворена в более широкой проблеме возникновения земледелия. При этом большее внимание уделялось именно социально-экономической составляющей, нежели биологической. Разновидности пшеницы, проса или ячменя не считались определяющим фактором в решении вопроса о происхождении земледелия. Заслуживали внимания лишь сам факт обработки земли с целью получения урожая и как следствие последующее экономическое и социальное развитие общества.

Это не значит, что из внимания историков совсем выпал перечень видов и разновидностей культурных растений. Напротив, данные этнографии, которыми в основе своей оперировали ученые, предоставляли богатейший каталог растений, которые народы различных географических районов и разного уровня культурного развития использовали для своих нужд. Обилие и разнообразие такого этнографического материала давало повод считать проблему достаточно легко решаемой. Немецкий этнограф Ю. Липперт прямо заявлял, что «... вопрос о том, как человек додумался до того, чтобы бросать в землю часть собранных им семян ради обеспечения себя полезными растениями, не представляется затруднительным» (Липперт, 1902. С. 23).

Согласно классической трехстадиальной схеме эволюции человеческого общества земледелие развивалось на основе скотоводства, которому предшествовали охота и собирательство. Этот процесс был имманентным и в разных частях земного шара совершался на основе имеющихся доступных растительных ресурсов. Там, где этих ресурсов было более чем достаточно, происходил качественный пе-

реход к высокоразвитым обществам на основе земледельческой культуры, как в Египте, Месопотамии, Китае или Мезоамерике. Конечно, подобная схема была во многом умозрительной. Этнографические материалы подтверждали ее лишь косвенным образом. Археологических же данных в то время было еще не достаточно.

В таком состоянии проблема происхождения культурных растений, а равно и проблема происхождения земледелия пребывали до начала XX в. К этому времени классические эволюционистские построения переживали определенный кризис. Причем этот процесс происходил параллельно как в биологии, так и в исторических науках. Кризис стимулировал появление исследовательских альтернатив прежним представлениям. В биологии это было связано с перераскрытием законов Г. Менделя – зарождением и развитием генетики, в исторических науках – с возникновением диффузионистского направления в этнографических исследованиях.

В отличие от прежних эволюционистских представлений в этнографии диффузионизм выдвигал на первое место и подчеркивал роль миграций и заимствований, а не внутреннее поступательное развитие культуры. Так, считалось, что возникновение земледелия было одномоментным актом и могло произойти лишь в очень немногих единичных центрах. Таковыми признавались либо Египет, либо Юго-Восточная Азия. Отсюда земледелие путем миграции и культурного заимствования распространилось в дальнейшем и в другие области.

Несмотря на целый ряд положений, подвергшихся в свое время обоснованной критике (например, механистическое понимание культурных явлений), диффузионизм привнес определенный динамизм в понимание развития культурных процессов, в том числе и в вопрос возникновения земледелия. Факты миграций и взаимного влияния культур были слишком очевидны, чтобы их отрицать. Кроме того, стоявший у истоков диффузионизма Ф. Ратцель показал тесную связь человеческой культуры с географической средой и местообитанием (Ратцель, 1903). Это также обогатило проблему происхождения земледелия конкретным содержанием, усилив ее естественнонаучную составляющую.

Примечательно, что о роли миграции и заимствования в распространении культурной

флоры писал еще А. Декандоль. Таким образом, подобные идеи имели уже достаточно устоявшуюся традицию и в естественнонаучной среде. Поэтому далеко не случайно, что биологи, занимавшиеся проблемой возникновения культурных растений и домашних животных, с готовностью воспринимали основные положения диффузионизма (Davenport, 1910).

В целом можно говорить о том, что тема происхождения культурных растений и тесно сопряженная с ней проблема одомашнивания животных переживали в первые десятилетия XX в. период повышенного интереса. Прежние теоретические построения не выдерживали напора новых фактов, явившихся следствием развития новых методов и направлений исследований. Палеоботанические и палеозоологические находки в Европе и Азии позволили значительно конкретизировать прежние, во многом умозрительные, схемы. Иных интерпретаций требовали и новые археологические открытия. Нужен был прорыв. Такой прорыв происходит в 1920-е гг. и связан с многочисленными работами по этой проблеме Н.И. Вавилова.

Теория о центрах происхождения культурных растений по общему признанию является наиболее яркой страницей научного наследия Н.И. Вавилова. В разработке этой концепции он проявил свою широкую эрудицию и творческий потенциал, смелость и оригинальность мысли. Главные выводы его концепции – о дискретности и полицентричности процесса образования культурной флоры и приуроченности этого процесса к определенным географическим (горным) районам – сохраняют свою научную значимость как в ботанических, так и в исторических исследованиях до настоящего времени (Гончаров, 2007; Шумный, 2007).

Тем не менее при оценке теоретических положений Н.И. Вавилова необходимо учитывать, что он подошел к решению проблемы в первую очередь с позиции ботаника-селекционера, для которого главной целью являлось выявление видового и сортового разнообразия культурной флоры, первичная географическая локализация этого разнообразия и выяснение возможностей его интродукции в новых условиях. Достижения его в этом направлении и в смежных с ним областях биологии несомненны (Жуковский, 1964). В частности, ему удалось продемон-

стрировать сложный процесс эволюции многих культурных растений, связанный с целым комплексом внутренних и внешних причин.

Исторический метод, предложенный в свое время А. Декандром, занимал в работах Н.И. Вавилова подчиненное место. Вместе с тем из работ Н.И. Вавилова явствует его достаточно широкое знакомство с археологической и этнографической литературой того времени, что позволяло ему оперировать вполне конкретными фактами и выдвигать достаточно смелые предположения².

Н.И. Вавилов почти не касается вопроса о механизме перехода к земледелию, ограничиваясь лишь некоторыми замечаниями на этот счет: локализация первичных очагов земледелия в изолированных горных районах, неполивной характер раннего земледелия, вытеснение «первичных» растений «вторичными» по мере их продвижения с юга на север и в горные районы. В центре его внимания как ботаника остается изучение совсем другого механизма – эволюции самого растения в процессе его введения в культуру. Поэтому главный исторический вывод концепции Н.И. Вавилова выглядит основанным скорее на интуитивной догадке, нежели на прямых данных: «... выделенные семь крупных центров соответствуют локализации древнейших земледельческих культур» (Вавилов, 1987. С. 394).

В отечественных исторических науках – археологии и этнографии – судьба теоретических взглядов Н.И. Вавилова на происхождение культурных растений первоначально складывалась достаточно сложно. Казалось бы, что новая оригинальная трактовка проблемы происхождения культурных растений, напрямую связанная с ключевыми вопросами развития человеческого общества, должна была привлечь внимание представителей именно этих наук. Тем не менее, насколько можно судить по библиографическим обзорам научного наследия Н.И. Вавилова, единственным прижизненным откликом на идеи ученого со стороны археологов и этнографов была статья научного сотрудника Государственной академии истории материальной

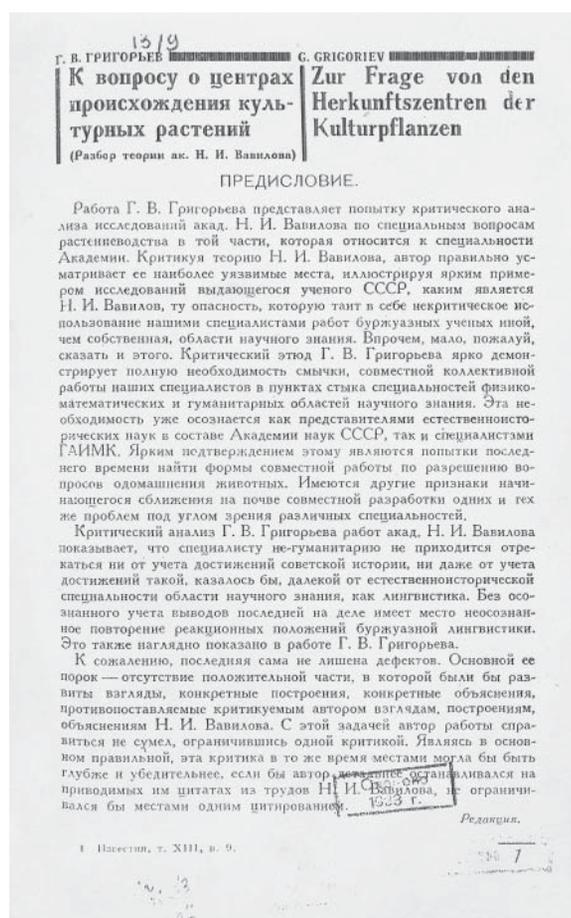
² На начальном этапе Н.И. Вавилов, видимо, сам рассматривал многие выдвигаемые им положения как не укладывающиеся в общепринятую схему. Так, в письме Д.Л. Рудзинскому от 15 марта 1924 г. он пишет об окончании работы «О происхождении культурных растений»: «... В ней много ересей, в которых, правда, я сам убежден» (Н.И. Вавилов. Научное наследие в письмах. Т. I. С. 109).

культуры³ Г.В. Григорьева, опубликованная в 1932 г. (Григорьев, 1932). Эта статья носила подчеркнuto критичный характер и содержала разбор концепции Н.И. Вавилова больше с идеологических, нежели конструктивных позиций. Главным недостатком работ Н.И. Вавилова, по мнению Г.В. Григорьева, являлось то, что они написаны в духе миграционистских (диффузионистских) теорий индоевропейской лингвистической школы. В то время это было равносильно обвинению в расизме и шовинизме (Формозов, 2006). Насколько этот «первый камень» повлиял на последующую судьбу Н.И. Вавилова, сказать трудно, так же, как нам не известна и его реакция на эту статью. Тем не менее Н.И. Вавилов и после этого продолжал развивать и совершенствовать свою концепцию.

Представления Н.И. Вавилова о происхождении культурных растений были «реанимированы» в работах отечественных ботанико-географов Н.А. Базилевской, П.М. Жуковского, А.И. Купцова и Е.Н. Синской. В рамках темы данной статьи важно отметить, что Е.Н. Синская в своей книге в наибольшей степени продемонстрировала комплексное видение проблемы, очень широко привлекая археологический материал. В настоящее время основные положения Н.И. Вавилова в отношении генезиса культурной флоры (иногда в полном объеме, иногда с некоторыми корректировками) принимаются подавляющим большинством отечественных ботанико-географов (Базилевская, 1960; Жуковский, 1964, 1970; Синская, 1969; Купцов, 1975; Гончаров, 2007; Шумный, 2007).

Новый этап в судьбе вавиловского научного наследия в исторических дисциплинах наступает в 1960-е гг. С этого времени концепция Н.И. Вавилова о центрах происхождения культурных растений прочно закрепилась в работах, посвященных проблеме возникновения земледелия и, в более широком смысле, становления производящего хозяйства. Наиболее детально она рассмотрена в работах В.А. Шнирельмана, Б.В. Андрианова и В.П. Алексева. Основное внимание этих исследователей было обращено непосредственно к рассмотрению вопроса о локализации предложенных Н.И. Вавиловым

³ Государственная академия истории материальной культуры – ГАИМК – впоследствии была преобразована в Институт археологии АН СССР.

Первая страница работы археолога Г.В. Григорьева, посвященной критическому разбору теории Н.И. Вавилова о центрах происхождения культурных растений. Видимо, редакторы посчитали недостаточным критические замечания самого Г.В. Григорьева и сопроводили его статью редакционным (анонимным) введением, в котором недвусмысленно выразили негативную позицию советской исторической науки к теоретическим положениям Н.И. Вавилова.

центров происхождения культурной флоры и к установлению количества этих центров. Как известно, сам Н.И. Вавилов в своих работах выделял от 5 до 9 таких центров (локусов, очагов, по его собственной терминологии). При этом он исходил из интерпретации имеющегося в его распоряжении исключительно ботанического материала, не имея возможности опереться в своих построениях на довольно скудные в то время археологические данные. Лишь спустя несколько десятилетий после исследований Н.И. Вавилова положения его концепции стало возможным соотнести с результатами массовых археологических раскопок из самых разных районов земного

шара. В результате вавилонская схема первичных очагов формообразования претерпела некоторые количественные изменения.

Так, В.П. Алексеев предполагал наличие не менее пяти таких очагов (три – в Евразии и по одному в Африке и Америке). Б.В. Андрианов предложил схему, состоящую из десяти очагов. У В.А. Шнирельмана количество очагов возросло до двадцати двух с подразделением их на первичные и вторичные (Андрианов, 1978; Алексеев, 1984; Шнирельман, 1989). В целом, по словам В.А. Шнирельмана, проблема локализации древнейших земледельческих очагов в настоящее время может считаться решенной: «В будущем предстоит уточнить границы некоторых очагов и их хронологию, большого внимания потребует вопрос о взаимоотношениях между отдельными очагами и путями распространения некоторых видов культурных растений и домашних животных» (Шнирельман, 1989. С. 315).

Следует обратить внимание на изменение самого названия вавилонских очагов в работах специалистов-историков. Вместо применяемого Н.И. Вавиловым названия «центр происхождения культурных растений» сейчас наиболее употребительными в исторической литературе являются «центр возникновения земледелия» либо «очаг производящего хозяйства», что, несомненно, является более правильным и точнее отражающим суть проблемы.

Дело в том, что для Н.И. Вавилова отправной точкой являлось определение центров разнообразия (или мест максимальной концентрации видового и сортового разнообразия) культурных растений. Это определение производилось исключительно на современном ему материале. И хотя в предложенном им дифференциальном ботанико-географическом методе исследования видов культурных растений специально оговаривалась необходимость «... в определении ареалов этих видов, по возможности в отдаленное время, когда сообщение было более затрудненным, чем в настоящее время...» (Вавилов, 1987. С. 43), развития этот методический подход в последующих его работах не получил. То есть исторический (хронологический) фактор в развитии культурных растений почти не учитывался. Как следствие полученные Н.И. Вавиловым современные данные напрямую экстраполировались в прошлое, а выявленные цент-

ры формообразования культурных растений *a priori* рассматривались как первичные центры земледельческих культур. Последующие исследования по этому вопросу показали, что все обстояло несколько сложнее.

Уже упомянутый характер изменения терминологии в работах современных ученых говорит о постепенном смещении акцентов исследования от ботанического (естественнонаучного) к археолого-этнографическому (историческому). Поскольку появилась возможность проверки и соотнесения ботанико-географического материала с данными археологии и этнографии, обнаружился весьма сложный и неоднозначный механизм перехода человеческих коллективов к земледелию.

Хотя В.А. Шнирельман и указал на то, что вопрос о географической локализации очагов может в основном считаться решенным, вместе с тем в своей работе он привел множество оговорок, касающихся весьма существенных моментов. Это неполная ясность и в вопросе о взаимоотношениях между отдельными очагами, и о путях и способах распространения отдельных видов домашних растений и животных, и в отсутствии детальных представлений о формах древнейшего хозяйства. Но самое главное – это вопрос о механизмах одомашнивания растений и животных, который до сих пор остается наиболее спорным и наименее изученным. Таким образом, старая проблема обрастает новыми гранями, а углубление и расширение наших знаний в этой области ставит все новые и новые вопросы.

Попытку творческого развития теоретических положений Н.И. Вавилова предпринял В.П. Алексеев. Он удачно применил выводы Н.И. Вавилова о рецессивности/доминантности генов, о гомологических рядах к антропологическому материалу, продемонстрировав тем самым их научную состоятельность в смежных биологических дисциплинах.

По вопросу о происхождении культурных растений и возникновении земледелия В.П. Алексеев сделал прекрасный аналитический обзор вавилонской гипотезы и стоял на пороге нового теоретического прорыва в этом направлении. Как уже отмечалось выше, камнем преткновения современных представлений в проблеме зарождения земледелия является вопрос о механизмах этого процесса. Несомнен-

но, что решение этого вопроса будет связано с установлением более детальных связей, существующих между человеком, географической средой и растением. Именно такие связи были рассмотрены В.П. Алексеевым в его теории антропогеоценозов, причем в достаточно целостном и системном объеме (Алексеев, 1975). Теория антропогеоценозов – сложное междисциплинарное обобщение и, наверное, именно поэтому не понятое и подвергшееся жесткой критике с позиций догматического марксизма, господствовавшего в советской науке (Буровский, 1994. С. 6). Представляется, что будущие исследования в этом направлении докажут научную состоятельность этой теории.

Литература

- Алексеев В.П. Антропогеоценозы: сущность, типология, динамика // *Природа*. 1975. № 7. С. 18–23.
- Алексеев В.П. Становление человечества. М.: Изд-во полит. лит-ры. 1984. 464 с.
- Андрианов Б.В. Земледелие наших предков. М.: Наука, 1978. 168 с.
- Базилевская Н.А. Центры происхождения декоративных растений // *Вопросы эволюции, биогеографии, генетики, селекции*. М.; Л., 1960.
- Буровский А.М. Антропоэкология (концепция антропогеосферы: ее сущности, морфологии, структуры, динамики, истории). Красноярск, 1994. 216 с.
- Вавилов Н.И. Пять континентов. Л.: Наука, 1987. 213 с.
- Вавилов Н.И. Происхождение и география культурных растений. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1987. 440 с.
- Гончаров Н.П. Центры происхождения культурных растений // *Информ. вестник ВОГиС*. 2007. Т. 11. № 3/4. С. 561–574.
- Григорьев Г.В. К вопросу о центрах происхождения культурных растений (Разбор теории акад. Н.И. Вавилова). Л.: ОГИЗ, 1932. 32 с. (*Известия Государственной Академии истории материальной культуры*. Т. 13. Вып. 9.).
- Дарвин Ч. Изменения домашних животных и культурных растений. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 884 с.
- Жуковский П.М. Культурные растения и их сородичи. Систематика, география, цитогенетика, экология, происхождение, использование. 2-е изд., перераб. и доп. Л.: Колос, 1964. 792 с.
- Жуковский П.М. Мировой генофонд растений для селекции. Мегагенцентры и эндемичные микрогенцентры. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1970. 88 с.
- Купцов А.И. Введение в географию культурных растений. М.: Наука, 1975. 295 с.
- Липперт Ю. История культуры в отдельных очерках. С.-Петербург, 1902. 452 с.
- Ратцель Ф. Народоведение. Т. 1. С.-Петербург, 1903. XX, 764 с.
- Синская Е.Н. Историческая география культурной флоры (На заре земледелия). Л.: Колос, 1969. 480 с.
- Токарев С.А. История зарубежной этнографии. М.: Высш. шк., 1978. 352 с.
- Формозов А.А. Русские археологи в период тоталитаризма. Исторические очерки. М.: Знак, 2006. 320 с.
- Шнирельман В.А. Возникновение производящего хозяйства. М.: Наука, 1989. 448 с.
- Шумный В.К. Два гениальных обобщения Николая Ивановича Вавилова (К 120-летию со дня рождения) // *Генетика*. 2007. Т. 43. № 11. С. 1447–1453.
- Davenport E. *Domesticated Animals and Plants. A Brief Treatise upon the Origin and Development of Domesticated Races with Special Reference to the Methods of Improvement*. Boston a.o.: Ginn and Company, 1910. 321 p.
- De Candolle A. *Origin of Cultivated Plants*. N.Y.: D. Appleton and Company, 1885. 468 p.

CONCEPTS OF CULTIVATED PLANTS' ORIGIN IN HISTORICAL STUDIES

A.V. Efimenko¹, I.K. Zakharov^{1,2}

¹ Institute of Cytology and Genetics, SB RAS, Novosibirsk, Russia; ² Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia, e-mail: tatele@yandex.ru

The paper recapitulates the evolution of views on cultivated plants' origin as they emerged in biological and historical studies of XIX–XX centuries. The authors entrust the formulation of problem of cultivated plants' origin to the central figures of 19th century biology, Charles Darwin and Alfonse de Candolle. This laid the evolutionary perspective to the future biological research in this field. The role of diffusionist theory of the establishment and development of social cultures is underscored. The feedbacks between the hypothesis of the origin of cultivated plants and the theory of migration and discontinuity of human culture in the course of their emergence and further development in the works of N.I. Vavilov and the Russian school are analysed.